

ПЕРЕЖИВАНИЕ ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАПРОСТРАНСТВА

Т. Б. Кудряшова*

Может быть, для человека в его желании осмыслить Мир нет более важной задачи, чем стремление понять природу Времени и научиться управлять своим внутренним Временем.

В. В. Налимов

Проблема природы времени и многообразия способов его переживания может быть и не «стара как мир», но, по крайней мере, привлекает к себе внимание на протяжении всего «пост-осевого» периода, с тех пор как человек научился противопоставлять настоящее, прошлое и будущее. Этот же этап истории связан с возникновением и осознанием в качестве таковых — «текстов культуры», образующих ее пространство. По большому счету, в зависимости от точки зрения, любой объект теперь, как замечает В. Руднев, — может выступать либо в качестве «текста», не существующего вне воспринимающего его сознания, либо как «реальная вещь», некая природная материя, по отношению к которой возможно, в каком-то смысле, допущение ее существования независимо от нашего знания о ней. Для нас в этом разделении главным является то, что «семиотическое время, время текста, время культуры противоположным образом отличается от времени физической реальности». Таким образом, в классическом случае, если физическое время энтропийно и необратимо, то время культуры, время текста (которое индивидуально, но может быть в некоторой степени объективировано, социализировано) — обратимо и должно двигаться, по преимуществу, в противоположном направлении: уменьшения энтропии и накопления значимых форм или информации.¹

---

*Кудряшова Татьяна Борисовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Ивановского государственного университета.

¹См.: Руднев В. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М., 2007. С. 37–39.

Однако, все вышесказанное имеет достаточно высокую степень достоверности при одном условии: тексты культуры должны постоянно функционировать, то есть быть воспринимаемыми. Они призваны стимулировать деятельность сознания, которое, в свою очередь, создает что-то, служащее культуре (как минимум — дает новую значимую информацию). В этом случае можно говорить о том, что тексты вступают в «символический обмен», в процессе которого энтропия уменьшается, а количество культурной осмысленной информации растет. В противоположной же ситуации, когда тексты накапливаются, не встречая своего реципиента, превращаясь в «знаковые отходы», — они исчезают в качестве текстов культуры. Механическое накопление информации при этом может продолжаться, но она не включается во взаимодействие, не происходит ее обмена и необходимых процедур очищения, аннигиляции, а потому потенциальные элементы семиотической реальности не становятся таковыми и трансформируются в обычные предметы реальности. А это значит, что они теряют антиэнтропийные свойства, перестают быть способными создавать ситуации событий. Наоборот, такие тексты приводят к росту энтропии, информационного хаоса через бессмысленное накопление значений.

Таким образом, новая информационная среда имеет свою количественную и качественную специфику. В частности, она связана со всевозрастающим избытком информации, знаковым загрязнением и нередко вызывает у человека ощущение диссонанса, как следствие этого. Для его преодоления, считаем, необходимы не только новый критический подход и компетенция в овладении виртуальным дискурсом, но и развитие нового чувства времени, овладение новыми практиками индивидуальной *культуры времени* в контексте актуального *времени культуры*.

Поставим себе задачей проанализировать, какого рода время характеризует больше современную культуру, неотъемлемой составляющей, а в определенном смысле и средой которой является медиа? Как чувствует себя человек в этих условиях в своем внутреннем переживании времени? Происходят ли существенные изменения в феноменологии внутреннего сознания времени у субъекта, чье воображение, восприятие и память все чаще действуют не в условиях традиционного диалогического общения, а в густом насыщенном

пространстве, бесконечно воспроизводящем артефакты культуры, то есть в ситуации гиперреальности и гипертекста? Размышления над поставленными вопросами вряд ли могут быть исчерпаны в пределах одной статьи, однако, чтобы хоть в первом приближении ответить на них, необходимо, для начала, обозначить специфику современного коммуникативного пространства.

Для этого воспользуемся, например, известными образами сферического взаимодействия П. Слотердайка. Думается, что профессор-сферолог справедливо выделяет в качестве фундаментального человеческого отношения — существование в «душевном пространстве *для двоих*». По преимуществу в таком пространстве формируется «жизнеспособный модус субъективности». Однако, поскольку коммуникативное медиапространство постоянно подвергается «внешним провокациям» и закономерно нарушается вторжениями третьего, четвертого лиц и т. д. до бесконечности, то его «символическая акклиматизация» затруднена. Оно очень редко образует «общую внутривнутрипространственную сферу» для двоих, поскольку этот «тонкий двуединый пузырь» в современных условиях чаще всего лопается, и в коммуникацию вторгаются «побочные темы, множества, новые медиа». Модальности таких разрывов «задают условия для истории культуры».² Думаем, что подобному образу меняющегося коммуникативного пространства весьма близки представления о ходе времени, когда они объективируются, выражаются вовне. А точнее, это представления о том, что и со временем «что-то происходит». Другими словами, наше восприятие длительности также претерпевает существенные изменения. Рассмотрим этот тезис подробнее.

Обращаясь к неологизмам последнего столетия, попытаемся через визуальный образ представить магистральный путь развития человеческой мысли двадцатого — начала двадцать первого веков. На такой хронологической карте, пожалуй, больше всего привлечет к себе внимание присутствие многочисленных «поворотов», «разрывов», «складок», «прошивок», «скачков», «сдвигов», «смен векторов и парадигм» — с самыми разными эпитетами: лингвистический, дискурсивный, иконический, визуальный, перцептивный и пр. Таким образом, будут опространствлены (а, следовательно, и объективи-

²См.: Слотердаик П. Сферы. Микросферология.Т.1. СПб.: «Наука», 2006. С. 39–59.

рованы) некие нарушения временного порядка, изменения в динамике, в течении «коллективного потока сознания». А большая часть характеризующих их эпитетов позволяет понять, что подобного рода трансформации, по преимуществу, связаны с перераспределением доминант действия таких человеческих способностей как воображение, восприятие и выражение — в процессе взаимодействия с изменяющимся миром.

Думаем, что такого рода изменения в восприятии хода процессов, а именно, все более учащающееся выдвигание на первый план их прерывистости взамен прежней континуальности времени — в определенной мере объясняется «разрывами» сферических пространств диалогического общения и превращением их в относительно безликие медиапространства, заполненные монологами, нередко лишь имитирующими диалог. Такая имитация может быть прервана в любой момент (а потом вновь возобновлена) почти без ущерба для субъектов общения. Но объяснение только этим не исчерпывается.

Обратим внимание на то, что обозначение вышеупомянутых «прерывистостей» указывает на своего рода «квантирование» хода развития человеческой мысли, как будто через дискретизацию ее готовят к переводу в «цифровой формат». Усиление такого рода интенций вполне могло произойти, в том числе, и под влиянием новых коммуникационных и информационных технологий, постоянно формирующихся и реформирующихся в условиях медиапространства. Время теперь еще более «удобно» представлять дискретным. Как известно, событие, происходящее в континуальном времени, может иметь некую достаточно стабильную доминанту («основную ноту», если воспользоваться известной метафорой У. Джемса). Однако, последняя окружена множеством «обертонов», придающих событию, или его образу, индивидуальность и неповторимость. При квантировании времени события, как при переводе в цифровой формат, нередко происходит фиксация доминант и избавление от обертонов. Качественные смысловые или содержательные потери от такой редукции (ведь мысль не имеет четких временных границ), как пока предполагается, — окупаются ростом количественных технологических показателей.

Таким образом, возникает все больше внешних причин, чтобы объективирующееся социальное время представлялось в дискретном

виде. Отсчет такого рода тенденций можно вести уже от гегелевской системы представлений о развитии. Соответственно, последние два столетия характеризуются интенсивным становлением медиасреды, если считать, что Новые медиа (New Media) так или иначе включают в себя «старые медиа»: газеты, журналы, фото, радио, кино, телевидение и т. д. Совокупность всех этих разнообразных средств, превращаясь в стабильные во времени каналы коммуникации, постепенно образуют все более густеющую медиасреду.

В такой среде еще больше размываются границы между пространством и временем, но чаще «в пользу» пространства. Отмеченный выше факт обращения к пространственным метафорам при описании временных процессов уже указывает на опространствливание времени. А будучи размещенными в медиасреде, подобные события и вовсе предстают во времени так же, как если бы они были вещами, расположенными в пространстве. По крайней мере, современные компьютерные интерактивные системы всегда предлагают возможности, связанные с перемещением на один или несколько «шагов» назад, вперед, — к процедурам (событиям) прошлого или будущего. Таким же человек чувствует себя в пространстве гипертекста. Здесь он и вовсе не связан жесткими обстоятельствами одномерного временного порядка, ведь по сравнению с линейным текстом гипертекст обладает гораздо большим количеством «степеней свободы». Но самое важное, что в развитой, стабильно функционирующей медиасреде события «из фактов внутренней жизни» все чаще превращаются — в события, выставляемые как вещи «для обозрения других». А это означает, что время их существования из антиэнтропийного незаметно превращается в энтропийное, а информационные поля начинают обретать свойства хаоса.

Таким образом в медиасреде возникает новая реальность «второго уровня» или гиперреальность, которая не всегда может характеризоваться лишь семиотической антиэнтропийной темпоральностью. Она нередко начинает существовать в почти обычном времени физической реальности, но тяготеющему к дискретизации, к представлению в едва ли не пространственных категориях. Такое время, безусловно, отличается от времени физического, механически отсчитываемого эталоном, но оно все-таки связано с внешним восприятием и обозначением темпоральности, то есть оно в достаточной степени

социализировано. В результате усиливается эффект «множественности времен», дополняющий и подчеркивающий актуальность темы «множественности пластов реальности». Последняя идея, представленная еще в описании множества миров Вас. Великого, а также характеризующая *multiple realities* У. Джемса, модифицировавшись в «социально конструируемые реальности», «варьируемые рациональности» и прочие варианты «систем социальных взаимодействий», — позволяет ныне воспринимать полионтичность мира уже через пространственно-временные образования. И это не случайно: как замечает В. В. Налимов, время также нужно «разгуливать», иначе оно «заглохнет».³ Не исключено, что благодаря разрывам как «переоткрытию времени» — происходит формирование и восстановление актуального жизненного ритма, ведь в условиях разно-скоростного времени возникает необходимость в более сильных средствах фиксации его периодов.

Однако, помимо указаний на трансформацию представлений об объективирующемся времени, нас интересует воздействие измененного коммуникативного пространства или медиасреды — на *внутреннее переживание времени* субъектом общения и познания. Не исключено, что «прерывания» течения объективированного времени тем или иным образом соотносятся с изменениями внутреннего восприятия времени человеком. В настоящий период мы вряд ли можем отказаться от признания наличия континуальной составляющей человеческого мышления, на которую указывают многие особенности языкового поведения человека.⁴ Скорее всего, процесс мышления в каждом личном сознании непрерывен, отличаясь «взаимопроникновением состояний сознания»⁵ по Бергсону, или, если воспользоваться выражением Джемса, «живостью» и «родственностью» как к своему настоящему, так и к своему прошлому, которые с непосредственностью проникая в сознание — составляют часть личности. Мысли в потоке сознания могут быть связными и бессвязными, но они в любом виде принадлежат ему и объединены внутренним временем

³См. Налимов В. В. Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М., 1995. С. 73.

⁴См.: Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. С. 213–250.

⁵Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 749.

субъекта, вот почему старые образы, «соуживаются» в сознании с новыми, а не подвергаются забвению.

Представление о внутреннем времени, сравниваемое с текущей рекой, имеет свои слабости, которые, в частности, отметил Н. Луман. Так или иначе, но остаются проблемы «до» и «после», которые социолог пробует решить через учет в понятии времени такого явления как «решение», «так как решение, в конечном счете, отклоняет свою детерминацию прошлым и одновременно создает иное будущее, нежели то, которое осуществилось бы без наличия решения». Будущее хотя и остается неизвестным, однако, на него «можно проецировать различения». В результате подобного встраивания «времени во время», оно не пускается на самотек, а «временные горизонты будущего и прошлого соотносятся друг с другом и таким образом интегрируются».⁶

По сути мы видим в этом негласное указание на «внутреннюю солидарность» элементов сознания, которая, по мнению Бергсона, часто насильственно разрывается нами, привыкшими к оперированию дискретными пространственными категориями. И поэтому мы при анализе «выражаем длительность в терминах протяженности», выделяя отдельные составляющие сознания как «соприкасающиеся, но не проникающие друг в друга».⁷

Если же иметь ввиду интегрированный вариант анализа темпоральности, то, говоря словами Витгенштейна, следует не отделять «твердое от мягкого», а попытаться увидеть «твердое в мягком». Ведь как бы ни было важным представление о континуальности сознания и времени, о непрерывности этого потока, — без факта событийности в нем не могла бы осуществляться, пожалуй, самая важная для человека функция, функция общения. Без этого не мог бы существовать язык. Следовательно, «дления» и остановки, «процессуальность действия» и «событийность познания», «Кронос и сонм даймонов», континуальность и дискретность времени — лучше не противопоставлять, а рассматривать как основной принцип созна-

⁶См.: Луман Н. Перевод статьи, предоставленной в 1994 году Н. Луманом факультету социологии / Пер. А. Н. Беляев, Н. А. Головин. 1997 // Available from <http://www.soc.pu.ru>.

⁷Бергсон А. С. Цит. соч. С. 751.

ния, его необходимое условие.⁸ В таком случае неизбежно обращение к анализу темпоральной внутренней динамики человеческого существования с целью выявления ее возможных и закономерных модификаций в условиях медиасреды.

При всем многообразии форм такого анализа мы можем, обратившись, например, к гуссерлевскому варианту, выделить главное: внутреннее сознание времени, переживание времени нам дано феноменологически и эти моменты переживания особым образом «фундируют постижение времени как таковое». Следовательно, темпоральные данные, не являясь самим временем, все же позволяют нам воспринимать некое «объективное» время. Хотелось бы понять, насколько существенны влияния медиасреды на форму внутреннего восприятия временного объекта, которая может быть описана через три ее составляющих: 1. ретенция—воспоминание; 2. точечное восприятие (модус Теперь); 3. протенция-ожидание. Это означает, что схватываемая «в Теперь» точка длительности (вместе с ее содержанием) не исчезает, а непрерывно погружается в прошлое, а постоянно новая точка длительности (из будущего) приходит в Теперь. Таким образом, Теперь-восприятие существует в единстве как с расширяющейся непрерывностью прошлого (единство ретенциального сознания), так и с непрерывностью приближающегося будущего (единство протенциального сознания). В результате образуется не одномерная линия Теперь-длительностей восприятия объекта, а многомерное временное поле с удаляющимися (как в пространственной перспективе), прежними фазами восприятия и с ближайшими ожиданиями восприятия. Такое временное поле перемещается поверх воспринимаемого движения, аналогично тому, как поле зрения перемещается поверх объективного пространства. По-видимому, и отождествление предметности или универсальный синтез предмета — происходит в форме непрерывного сознания внутреннего времени.⁹

Предполагаем, что в изменяющихся внешних условиях коммуникации и познания — формы внутреннего восприятия времени мо-

---

⁸См.: Гутнер Г. Б. Знание как событие и процесс // Available from <http://www.philosophy.ru>.

⁹См.: Гуссерль Э. Собр. соч. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. С. 7–36.

дифицируются, что, в свою очередь, сказывается на темпоральном самоощущении субъекта и на его восприятии внешних процессов в медиасреде. Не исключено, что заметные изменения ожидаются в той области восприятия, которая связана с *протенцией*. В гуссерлевском анализе внутреннего времени субъекта данный интуитивный опыт ожидания (интуитивная антиципация будущего) представлен как перевернутый интуитивный опыт воспоминания. В этом случае Теперь-интенции не предшествуют процессу, но следуют за ним, а ожидание находит свое осуществление в восприятии. Основатель феноменологии уделил данному феномену меньше внимания, чем модусу ретенции, однако эта асимметрия была в существенной степени преодолена в дальнейшем.

Заметим, что в последующих многочисленных работах этот феномен был много раз переименован (у Гуссерля и других исследователей он назывался: предожиданием, «длящимся тождеством», «неосознаваемым восприятием форм», «созерцательной интенцией», «пустой интенцией», протенцией (воображением-восприятием), антиципацией, «аспектом знакомства» и т. д.). Однако, в классическом варианте его свойства сводятся примерно к следующему: этот феномен позволяет нам воспринимать вещь как целое, как форму, несмотря на то, что в ней есть такие качества, которые в данный момент еще не показали себя полностью, но присущи вещи. Это говорит о темпоральной структурированности нашего восприятия, благодаря которой мы всегда воспринимаем вещи не в качестве непосредственной данности, а через способность приспособлять даже новые (еще не полученные, не ставшие, а только ожидаемые) восприятия — к уже знакомым. Поэтому для получения целостного комплекса впечатлений от предмета нам вовсе не нужно скрупулезно воспринимать все свойства предмета: многое может быть дополнено лишь предполагаемыми данностями, намеченными посредством протенции, предожидания.

Оценивать подобные качества восприятия можно двояко. С одной стороны, данный феномен, наряду с другими, лежит в основании разумности, любого языка, всякой абстракции, в основе «усмотрения сущности», инсайта, художественной интуиции и т. п., так как позволяет оформить хаос чувственных впечатлений даже в условиях «неполного» восприятия. Благодаря ему, любой объект почти все-

гда предстает для нас в качестве уже знакомой формы, которую мы можем сравнивать с другими, как с существующими в актуальном временном поле нашего сознания, так и с встречавшимися ранее. Это довольно «экономично», поскольку позволяет сводить множество похожих (но не полных) переживаний (которые в реальности никогда в точности не повторяются), к одному типу переживаний, что в значительной степени составляет наш опыт постижения мира.

Но данный феномен можно рассмотреть и с противоположной стороны, подчеркнув, что его действие приводит к унификации чувств, стереотипности мыслей, к обеднению возможностей тонкого понимания. Вместо того, чтобы воспринимать предметы, мы всего лишь классифицируем их, причисляя к уже знакомым впечатлениям.

Думаем, что современное медиапространство оказывает двойное действие на развитие данной способности к антиципации. С одной стороны, в нем функционирует огромное количество стандартных образов (особенно визуальных). При их восприятии «ожидание» почти всегда оправдывается, мы можем в своем внутреннем времени существенно «забегать вперед» и почти безошибочно воспринимать имманентный предмет задолго до его буквального внешнего восприятия. Это развивает способность к антиципации в количественном отношении (увеличивается время, охватываемое предожиданием). Но при этом восприятие стандартизируется, упрощается его качественная сторона, поскольку само содержание предожидания сводится лишь к стереотипным знакомым впечатлениям.

С другой стороны, «созерцательная интенция» в медиасреде порой подвергается довольно жестким испытаниям, потому что актуальное искусство, современный дизайн, компьютерная виртуальная реальность в их парадоксальных формах — часто намеренно разрушают привычное ожидаемое наполнение восприятия, неожиданно сочетая не сочетаемое. Уже как минимум сто лет визуальные тексты, — начиная с коллажей Макса Эрнста, рейографии Мана Рэя, сюрреалистической живописи Рене Магритта и т. д., вплоть до современных видеозвуковых инсталляций, клипов и пр. — открывают для нас новое видение мира через изобразительные метафоры, построенные на сближении несоответствующих элементов. В Хазарском словаре М. Павича подобного рода идея выражена следующим

образом: «Каждый из нас выводит гулять свою мысль впереди себя, как обезьяну на поводке. Когда читаешь, имеешь дело с двумя такими обезьянами: одной своей и одной чужой. Или, что еще хуже, с одной обезьяной и одной гиеной. Вот и смотри, чем кого накормить. Ведь вкусы у них разные. . . ».

Нередко происходит «сбой кода ожидания»: в поле актуального восприятия оказывается совсем не то, что виделось в протенции. По функции подобное явление чем-то напоминает феномен остроумия, иронии в сфере вербального языка, также позволяя «вернуться к полному сознанию» (Бергсон), в полноценному восприятию, в котором одновременно присутствует и то, что ожидалось, и то, что реализовалось, причем в их обязательном соотношении, парадоксальном сравнении. Это способствует более глубокому пониманию, поскольку теперь рассматриваются не только актуальные, но и потенциальные содержания восприятия.

Тенденции, существующие в медиасреде неоднозначны уже по определению. И описанная нами двойственность воздействия медиасреды на способности человека «упреждающе» воспринимать мир — не исключение. Тем не менее предполагаем, что постепенно, по мере роста медиакультуры, а точнее, культуры деятельности человека в медиасреде — соответственно будет меняться и его темпоральная «чуткость». Медиакультура предполагает, что способность к антиципации из линейной должна превращаться в нелинейную, многовариантную. Здесь функция «решения», создающего тот или иной вариант будущего, выполняется как будто в «точке бифуркации». Следовательно, существенно расширяются границы трансценденции восприятия, связанные с выходом за пределы данных определенностей и с превращением в данные того, что непосредственно не доступно, а лишь предполагается, причем, многовариантно. В этих условиях восприятие «тренируется» больше на предметности «второй природы», созданной изощренным умом, на виртуальной реальности парадоксального компьютерного мира. Поэтому воображению, и не только визуальному, в такой среде отводится гораздо более важная роль.

Также может быть отмечена, как нам представляется, другая тенденция в изменении переживания времени, но теперь уже связанная с «визуальным поворотом» от вербального языка — к языку видеоизображений. Как бы то ни было, но темпоральная составляющая в вербальном языке пока проявляется гораздо сильнее, чем в языке

видеоизображений. С другой стороны, у визуальных текстов больше выразительных возможностей по отношению к пространственной предметности. Изменения восприятия времени в этом случае легче проследить на опыте экранизации литературного текста, когда можно сравнить переживание процессуальности зрительного и вербального образов и, соответственно, их понимание.

Обратимся к примеру из фильма Иосифа Ефимовича Хейфица «Дама с собачкой», к эпизоду проводов Гуровым Анны Сергеевны на вокзале, когда поезд уже удаляется. У Чехова состояние героя в этот момент описывается через внутренний монолог, который мы намеренно приводим полностью: «... оставшись один на платформе и глядя в темную даль, Гуров слушал крик кузнечиков и гудение телеграфных проволок с таким чувством, как будто только что проснулся. И он думал о том, что вот в его жизни было еще одно похождение или приключение. И оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминание... Он был растроган, грустен и испытывал легкое раскаяние; ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива; он был приветлив с ней и сердечен, но все же в обращении с ней, в его тоне и ласках сквозила тенью легкая насмешка, грубоватое высокомерие счастливого мужчины, который к тому же почти вдвое старше ее. Все время она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит невольно обманывал ее... Здесь на станции уже пахло осенью, ветер был прохладный. „Пора и мне на север, — думал Гуров, уходя с платформы. — Пора!“».

Как видим, здесь явно присутствует «поворот», резкое изменение хода событий и внешнее, и внутреннее. Его необходимо подчеркнуть, но какими средствами? Иосиф Ефимович в своих воспоминаниях о съемках пишет, что невозможно было передать закадровым голосом эту удивительную по музыкальности, ритму и лаконизму фразу, подводящую итог курортного романа Гурова и Анны Сергеевны. Слова в фильме как будто мешали передать смысл тех же слов литературного источника. И тогда Хейфиц показывает как Гуров, проводив Анну Сергеевну, находит потерянную ею перчатку и здесь же рассеянно и равнодушно кладет ее на ограду перрона как ненужную уже вещь.¹⁰

---

¹⁰Хейфиц И. Слышать друг друга // Литературная газета. от 24.12.84.

Как видим, монолог заменен коротким действием. То, что в литературном первоисточнике передается относительно долго тянущейся фразой, — заменяется едва ли не жестом. Возникает вопрос: будет ли он понят? Как он будет понят? Может ли впечатление от подобного жеста быть богаче того, что описано во внутреннем монологе?

Думаем, что в данном случае для реализации адекватного понимания Текста также должна происходить темпоральная перестройка восприятия. В вербальном тексте время «выстраивается» словами, оно формируется на наших глазах — вместе с проходящей через него «трещиной», отделяющей для Гурова прежнее от предстоящего. Наоборот, в визуальном тексте киноэпизода разрыв времен дается нам сразу в виде спонтанного жеста. И выраженный таким образом разрыв времен, должен, в свою очередь, запустить механизмы смыслопорождения, так или иначе восстанавливающие те оттенки смыслов, которые присутствуют в вербальном тексте. В данном эпизоде этому способствует антропологическая укорененность жеста, пространственным способом выражающая резкие изменения в процессе, в ходе времени.

Однако, при всей насыщенности такого жеста смыслами — он длится очень короткое время. И это время нельзя удлинять, так как сама краткость жеста — является в данном случае выразительным средством: именно она (краткость жеста) выражает разрыв времен. Для его восприятия и понимания — требуется высокая интенсивность, высокая активность зрительской, человеческой реакции на происходящее. Субъект, привыкший к «неспешным разговорам», далеко не всегда на это способен. Поэтому в условиях возрастающей роли визуальных языков, визуальных средств выражения — требуется воспитание субъекта такой культуры, развитие его способностей, в том числе и в восприятии времени. В частности, этому может способствовать использование уникальных возможностей видео-техники, позволяющей повторять эпизоды, ускорять или замедлять их, трансформировать изображение и пр. — для темпоральной компенсации лаконичности самого действия.

В заключение этого краткого обзора проблем темпоральности в медиасреде отметим, что до сих пор освоение физического пространства человеком шло гораздо успешнее, чем освоение времени. Земля, Космос теперь воспринимаются как единое целое, к пребыванию в

любой точке которого нет принципиальных препятствий. Со временем дела обстоят сложнее. Мы, скорее, готовы согласиться с тем, что мы «теряем время» или «подчиняемся ему», нежели с тем, что мы «владеем им». Вследствие контраста между беспристрастно отсчитываемым физическим временем (в котором мы, как в прокрустовом ложе, пытаемся расположить свою жизнь), и временем внутренним, развивающимся по вряд ли известным нам до конца законам, но в котором наша жизнь, пожалуй, и располагается наиболее естественным и свободным образом — возникает ощущение «разрывов», поворотов» и прочих нарушений временного порядка. Поэтому необходимо «совершенствование времени» — для «совершенствования бытия». Ведь время, по меткому замечанию В. В. Налимова, является грамматикой Бытия, время делает Бытие возможным.¹¹ Не исключено, что медиасреда и станет тем инструментом, который будет способствовать развитию такого переживания времени, когда его «податливость», гибкость, организующее начало — смогут преобразовать Бытие, изменить взгляд на его «разрывы», заново представить его как «непривычно звучащий текст».

---

¹¹Налимов В. В. Дрогалина Ж. А. Цит. соч. С. 78.